УДК 130.2

А.И. ВОРОНОВ, *канд. филос. наук, доцент, voronov.spb@gmail.com*
Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет)

A.I. VORONOV, *PhD in phil, associate professor, voronov.spb@gmail.com*
SaintPetersburg State Mining Institute (Technical University)

ВИРТУАЛЬНОЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ГОРИЗОНТАХ СОЗНАНИЯ

Рассматривается двойственность понятия виртуальная реальность. По преимуществу оно служит описанием техники виртуальной реальности, а с другой стороны, оно, все более, становится символом новой мифологизации сознания.

Ключевые слова: культура, метафоры, новая мифология, виртуальная реальность.

VIRTUAL AND RATIONAL IN ANTHROPOLOGICAL HORIZONS OF CONSCIOUSNESS

In work ambivalence of concept «a virtual reality» is considered. On the advantage, the given concept serves as the description of technics of a virtual reality, but on the other hand, it, more and more, becomes a symbol of new mythological concept of consciousness.

Key words: culture, the metaphors, new mythology, a virtual reality.

Один из смыслов понимания техники проистекает из того, что техника видится как набор инструментальных артефактов. Другое понимание техники шире, оно открывает нам технику как систему технологий и многоликую, как сам мир: сколько профессий, столько и техник. Наконец еще более обобщенный образ техники открывается нам, когда мы начинаем осмыслять технику на наиболее глубинном уровне, где техника уже не инструментальные артефакты и не искусные технологии, а образ жизни, основанный на образе мысли. Эту позицию представил в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер. Автор демонстрирует нам механизм формирования стиля жизни, технологий и артефактов, существующих у той или иной общности людей, в зависимости от того или иного типа ментального мироощущения и его аскетического идеала; иначе говоря, от конкретного образа мысли, укорененного в априорной системе ценностей, которыми эта общественная группа живет. Собственно культура в процессе своего развития, и есть простая перемена различных техник мысли, и, как следствие, тактик жизни и создаваемых этими тактиками (технологиями мысли) артефактов жизни.

Отсюда проистекает простой вывод о том, что, например, массовое пьянство в сельской среде обусловливается не только и не столько экономическими факторами, как традиционно учит экономический материализм, а в фундаментальной своей основе тем, что население утратило те базовые ценности или, иначе, техники мысли, которые и не допускали пьяного стиля жизни. Или, например, современная нам экологическая катастрофа, связанная с нефтедобычей вокруг оз. Самотлор. Менее всего эта экологическая беда связана с экономическими трудностями, она проистекает из априорных ценностных установок сознания, т.е. техники мысли тех, кто ответственен за принятие решений.

Итак, техника мысли есть фундаментальная реальность, пренебречь пониманием которой непростительно. Так, столкновение двух техник мысли проявилась в эпохе Петра Великого. До Петра проповедь аскетического идеала приводила к тому, что уютная сторона жизни в народном сознании не культивировалась. После Петра духовной технологией, т.е. техникой осмысления мира, стала идея порядка, понимаемого вполне буквально. В Германии этот порядок был основан на родственном ему аскетическом идеале и гармонически соответствовал ему. На русской почве требовалась немалая доля терпения и опытной педагогики, чтобы преобразить эту идею порядка для гармонического сочетания с местной духовной традицией. Однако, как это часто происходило в России, произошло не гармоническое сочетание техник мысли, а механическое выдавливание одной в противовес другой. Природа этого выдавливания коренится не в антагонизме этих техник мысли как таковых, а связана с техниками вероломного и стремительного навязывания властью новых идеологических нарядов. Так возникла болезненная для национального самосознания идея неполноценности одного типа культуры по отношению к другому, и, как следствие, глубокая пропасть между носителями разных техник мысли.

Можно сказать, что история техники – это история властной воли человека над внешним миром. Последнее столетие переосмыслило технику, увидев в ней не только механизмы прошлого, но и образ мысли. Создание же виртуальной реальности (ВР), положило начало новой технике, способной созидать власть над внутренним миром человека. Возникнув как проект по созданию человеко-машинных систем, по своему онтологическому статусу техника ВР оказалась двойственной. Первичной, технической причиной, приведшей к системам ВР, стало многофункциональное моделирование, но вторая причина – метафизическая, оказалась существеннее первой, и проистекала из факта ослабления духовной интенсивности новоевропейской культуры.

Обратившись к истории идей легко увидеть, что прототипы миров ВР стали возникать тогда, когда лейтмотивом западно-европейской истории стала борьба с сакральным началом. Через «научный досмотр мира» (Хайдеггер) и его каталогизацию, новоевропейский человек не только избавлялся от схоластики в философии и иезуитства в аскетике, но и устраивал свой проект бытия. Рождалась философия «бытия, каким ему должно быть» (Х.Ортега-и-Гассет). Уже со времен Декарта, рациональная философия, постепенно стала замещаться виртуальной, с техническим сопровождением в перспективе, например, «общее дело» по воскрешению мертвых Н. Федорова. Так с переходом христианства в ранг культуры, из бытия испарилось личностное переживание тайны. И, как следствие, с течением времени, появилась необходимость в «сказках для взрослых» (Дж. Толкиен).

Собственно первые виртуальные элементы можно наблюдать еще в средневековье, например, в католической догматике Игнатия Лойолы. Из его книги «Духовные упражнения» Катарина Сиенская и Тереза Авильская (канонизированные святые), почерпнули «нечто», после чего это «нечто» начали испытывать наяву.

Следующим по времени сюжетом развития виртуальной ментальности становится романтизм. Вырастает он из ощущения неустойчивости мира и уже несуществующей иерархии средневековых ценностей, которые отныне он сам и задает. В Европе романтизм уже трепещет на руинах французской революции как психологическое утешение среди революционного хаоса: революционные лозунги обанкротились, страшно и уныло в настоящем.

Живя на земле, человек ищет счастья, но окружающая реальность не всегда предстает раем для людей и они начинают дополнять ее своими фантазиями. Таким образом, начинка всех измышленных реальностей одна, пусть не всегда сознаваемая художником-создателем. Имя ей – борьба и несогласие как будто бы с реальностью, но более верно – неприятие себя, своего «состава» в ней. Это-то и порождало плоды ин-

дивидуальных фантазий, полновластным архитектором которых можно было стать. Не суть важно, во что вырастала новая реальность – очередную утопию, секту или киберпространство.

Так исторически развивались ступени нигилистического развоплощения сакрального (этакой реальности «тайны») – мир готовил себя к новым сказкам. Уже средневековый карнавал через смеховое начало подверг сакральный мир пародии, смеху, и, как следствие, отвержению. М. Бахтин, работая над текстами Рабле, отмечал, что традиционная духовность разлагалась через циничный смех. Интересно, что тот же смех, но уже без цинизма, Серен Кьеркегор предлагал в качестве спасающей терапии от трескучих парадоксов бытия.

Когда-то метафоры либеральной культуры обладали серьезным позитивным смыслом. Но люди перетолковали понятия. Шло время, мир европейского гуманизма сменил «вечные ценности» на «общечеловеческие», с которыми было легче внутренне договориться. Потом настала эпоха реализма, который не спутаешь с размытостью либерализма. Во вселенной реалиста нет уклончивого деизма, все четко и ясно, за исключением того, что наиболее требует четкости и ясности, – начала и конца всякой вещи и самого бытия. Понятно, что «распашка» мира рациональными действиями в начале Нового времени, была той «зачисткой» мира, которая позволила вырваться из иезуитских сетей схоластики и оккультных «переживаний» Ренессанса. Трудность дальнейшего пути выявилась позднее, когда рациональность стала претендовать на то, с чем боролась. Как следствие, открылась дверь витализма, который провозгласил движение к «духовному», «таинственному». Люди, питавшиеся его плодами, легко принимали за откровение духовного мира любой бред. Горечь либерального гуманизма продиктовала Ионеско слова, посвященные Кафке, о том, что если человек потерял путеводную нить в жизненном лабиринте, то только потому, что больше не хотел за нее держаться.

Не потому ли случилось это бегство в миры ВР ныне, что еще на заре Нового времени гуманисты эпохи Просвещения истолковали реальность слишком механистически, и, оставив в ней форточку для духа, … поставили на нее кондиционер. Не это ли спровоцировало ныне формирование мифологии «нового средневековья» – виртуальную волну «нового сознания». Но разве мир – это не мы сами, а проблемы внешние – не есть ли проекции проблем внутренних. Беда людей как раз в том и состоит, размышлял в свое время Лейбниц, что, в конце концов, сам разум людям надоедает, а свет утомляет, и опять появляются химеры, которые привлекают тем, что содержат в себе нечто чудесное.